

Цзи Тинсэнь подумал, что неловкость — это то, к чему можно привыкнуть с первого раза, а со второго — уже совсем легко.

В прошлый раз это была одежда, и в этот раз тоже.

Какое совпадение.

Он протянул руку с одеждой, и чувство вины за то, что тайком взял чужую вещь, исчезло.

— Цинь Чжэнь, это... тебе ещё нужно?

Раньше всё, к чему он прикасался, выбрасывалось, так что, вероятно, эту рубашку постигнет та же участь.

Небо было затянуто тучами, последний сильный и тёплый луч солнца пробивался сквозь окно.

Молодой человек на лестнице был окутан золотистым сиянием, и из-за его слегка поднятой руки тонкая ткань обрисовывала узкую линию его тела.

Пальцы слегка сжались, и Цинь Чжэнь вдруг вспомнил, как недавно держал его на руках.

Оказывается, он такой худой, что его можно обхватить одной рукой... и такой лёгкий, да ещё и с низким уровнем сахара в крови.

Может, семья Цинь плохо с ним обращалась?

Короткая пауза.

Пока Цзи Тинсэнь ждал ответа, его интерес к рубашке уже начал угасать.

Одежда, которую они с Цинь Чжэнем сняли, была бы убрана прислугой, а затем её забрали бы для стирки. Между уборкой и стиркой всё ещё был шанс.

Одежда — это слишком двусмысленно, действительно неуместно. Может... галстук?

Его лёгкая задумчивость прервалась голосом Цинь Чжэня:

— Не хватает денег?

Цзи Тинсэнь:

— ... Нет, взять твою вещь было моей ошибкой, я могу...

Купить десять или восемь таких, ладно?

Он не был настолько беден, чтобы красть одежду, потому что не мог её купить.

Каждый месяц семья Цинь переводила на его счёт миллион юаней на карманные расходы. Что касается одежды, обуви и электроники, самые новые и модные вещи доставлялись вовремя, так что практически не было необходимости тратить свои деньги.

Если что-то не было предусмотрено, можно было обратиться к управляющему, всё было организовано идеально.

Цинь Чжэнь прервал его:

— Два миллиона, деньги скоро поступят на твой счёт, не делай больше бессмысленных вещей.

Он не был терпеливым человеком, или, точнее, Цзи Тинсэнь не заслуживал его терпения.

Он снова спустился вниз, потому что считал, что оставлять больного в гостинной неправильно, даже если за ним присматривал врач.

Хотя бы ради тех нескольких слов, которые он сказал Цинь Цин.

Сейчас же Цзи Тинсэнь выглядел вполне здоровым, и даже научился воровать.

Что он собирался делать с его одеждой? Нюхать, как раньше, или спать с ней, а может, носить, как какой-то извращенец...

Эта мысль заставила Цинь Чжэня нахмуриться, и он решил вернуться в свою комнату.

Он не осознавал, что в его душе было больше неловкости, чем обычного раздражения и отвращения.

Человек, стоящий в лучах солнца, с его мягкими янтарными глазами, даже если он ничего не делал, уже вызывал у людей симпатию.

Цзи Тинсэнь почувствовал, что взгляд Цинь Чжэня на него был странным.

Но их общение всегда было затруднённым, а теперь Цинь Чжэнь бросил ему два миллиона, словно это было последней каплей, и просто ушёл в свою комнату.

Он посмотрел на одежду в своих руках: раз уж она осталась, может, стоит... использовать?

Спустя десять минут Цзи Тинсэнь смотрел на одежду у себя на коленях с неоднозначным выражением.

После того как телефон включился, он перезвонил Минжуй.

Ранее телефон упал на пол и внезапно выключился, и Минжуй беспокоился, что с ним что-то случилось, готовый даже пробраться через телефонную линию. Цзи Тинсэнь заверил его, что всё в порядке, и даже провёл видеозвонок, чтобы доказать это.

На этот раз в его мыслях не было злобных комментариев, но тупая боль в груди так и не появилась, просто потому что рядом была одежда.

Одежда с запахом Цинь Чжэня.

Это было удивительно.

Чёрная домашняя одежда была очень тонкой, и Цзи Тинсэнь в итоге сложил её в маленькую стопку и положил в ящик, планируя взять с собой, когда в следующий раз увидится с Минжуй или поедет домой.

Он был словно астматик, а эта одежда была его лекарством, только вот неясно, как долго оно будет действовать.

Настоящим долговременным лекарством был сам Цинь Чжэнь, но он напрягался от одного только его дыхания...

Ладно, он обещал не беспокоить его, и нарушать обещания нельзя.

На следующее утро.

Цзи Тинсэнь завтракал, когда Цинь Чжэнь уже встал и ушёл.

Они снова вернулись к состоянию, когда почти не разговаривали, настолько тихо, что повариха, закончив готовить, незаметно вернулась на кухню, даже не смея громко дышать.

Спустившись вниз, он увидел у дома машину, очень знакомую.

Машина семьи Цинь, за рулём которой был дядя Сюй.

Дядя Сюй ждал у двери, более оживлённый, чем обычно, и болтал:

— Молодой господин Цзи, я отвезу вас в офис, я уже жду больше получаса...

Цзи Тинсэнь отказался:

— Нет, за мной приедут, и пока ты не извинишься, я не буду тебя использовать, возвращайся в старый особняк.

Он ошибся, вчера вечером, думая об одежде, он забыл сообщить управляющему о дяде Сюй.

Увидев, что Цзи Тинсэнь не передумает, дядя Сюй убрал с лица натянутую улыбку:

— Кем ты себя возомнил, не использовать меня... Без семьи Цинь ты ничто...

Его волнение было не без оснований: работа водителя для Цзи Тинсэня была поручена бабушкой, с дополнительной надбавкой, и в старом особняке он тоже числился, что означало двойную зарплату. И теперь это просто отменяют?

Сзади раздались шаги, быстрые, но чёткие, словно стучащие по сердцу.

Взволнованный дядя Сюй не заметил их, но Цзи Тинсэнь увидел и спокойно ждал, пока тот подойдёт.

Человек из семьи Цинь должен быть наказан главой семьи.

Дядя Сюй продолжал горячиться:

— Я старый слуга семьи Цинь, ты здесь всего несколько лет, понимаешь ли ты, что такое оставлять людям шанс? Ты вообще представляешь, что ты значишь в глазах господина Цинь! Смеешь меня уволить, в старом особняке тебе даже воды не нальют, веришь?

— Не верю, — холодный голос раздался позади дяди Сюй.

— Господин... господин Цинь! — Дядя Сюй вздрогнул. — Выслушайте меня.

— Молодой господин Цзи уже всё мне рассказал, и, по-моему, тебе больше нечего делать в старом особняке.

— Нет... это молодой господин Цзи на меня пожаловался? Послушайте, я не знаю, сколько плохого он обо мне рассказал...

Цинь Чжэнь поднял руку, и его серо-голубые глаза излучали властную энергию, заставив дядю Сюй замолчать.

Он посмотрел на Цзи Тинсэнь, и его взгляд стал немного мягче, затем сказал дяде Сюй:

— Молодой господин Цзи не жаловался на тебя. Если бы он это сделал, ты бы не появился здесь.

Оказывается, дядя Сюй был настолько дерзким, а Цзи Тинсэнь просто сказал: «Дядя Сюй всегда опаздывает».

Если бы он не увидел это своими глазами...

Неясно, был ли это гнев или стыд, но когда они поженились, он пообещал, что, кроме любви, уважение и деньги Цзи Тинсэнь получит в полной мере.

Но сейчас... даже слуги в доме вели себя так нагло!

Цинь Чжэнь, не сводя глаз с нервного дяди Сюй, сказал:

— Я скажу тебе, кем Цзи Тинсэнь является в моих глазах. Он мой законный и официальный супруг, его слова имеют такую же силу, как и мои. Он был мягок и отпустил тебя, но я не буду.

Дядя Сюй:

— Господин... господин Цинь...

Цинь Чжэнь продолжил:

— Я гарантирую, что с этого момента ты не найдёшь ни одной работы в Цзине. У тебя есть три дня, чтобы уехать, и больше не появляйся перед глазами Цзи Тинсэня, иначе... ты не захочешь узнать последствия.

Ему не нравился Цзи Тинсэнь, но во время их брака он действительно был одним из хозяев семьи Цинь, и как можно было позволить посторонним так его унижать!

Дядя Сюй уже начал дрожать, с мольбой посмотрев на Цзи Тинсэнь:

— Молодой господин Цзи, это моя вина, простите меня, мой ребёнок учится в университете в Цзине... Мне нужно остаться с ним...

Цзи Тинсэнь не стал бы подрывать авторитет Цинь Чжэня в такой момент, покачал головой:

— То, что сказал Цинь Чжэнь, это и мои слова, уходи.

Цинь Чжэнь посмотрел на стоящего рядом молодого человека, и в его глазах промелькнула тонкая похвала, затем сказал дяде Сюй:

— Ты можешь продолжать болтать, пока я не передумаю и не решу, что твой ребёнок больше не будет учиться.

Он, конечно, не собирался нападать на ничего не подозревающего студента, но не хотел слушать болтовню дяди Сюй.

Дядя Сюй, подавленный и напуганный, быстро ушёл.

Машина всё ещё стояла на месте, и Цзи Тинсэнь позвонил, чтобы кто-то её забрал.

Неловкость, произошедшая прошлой ночью, казалось, ушла в прошлое, и Цзи Тинсэнь сказал Цинь Чжэню:

— Спасибо.

Цинь Чжэнь, глядя на его мягкие янтарные глаза, недовольно сказал:

— Ты ещё смеёшься? Почему ты мне ничего не сказал?

Цзи Тинсэнь покачал головой с улыбкой:

— Это мелочи, я мог справиться сам.

Цинь Чжэнь глубоко вздохнул: если бы он не опоздал на пару минут, застряв на подземной парковке из-за звонка, дядя Сюй успел бы сказать ещё много унижительных слов.

Справляться... Справляться, как он это делал до его прихода?

А где же та смелость, с которой он воровал его одежду?

Как будто читая его мысли, владелец янтарных глаз с лёгкой улыбкой спокойно объяснил:

— Я видел, что ты идёшь.

Поэтому он ничего не сделал, потому что верил, что Цинь Чжэнь встанет на его сторону.

Неясно почему, но гнев Цинь Чжэня, вызванный дядей Сюй, вдруг исчез.

— Пойдём, — сказал он. — Я отвезу тебя в офис.

Цзи Тинсэнь знал, как сильно Цинь Чжэнь занят, потому что сам когда-то был таким же:

— Не нужно, за мной приедет агент.

— Где?

— У входа в район.

<http://bllate.org/book/16159/1447688>